

рядом

с мастером

Даниил ГРАНИН:

«Найти свое сокровенное»

Даниил Александрович Гранин вряд ли может пожаловаться на невнимание к нему критиков. Рецензии, беседы появляются на страницах газет и журналов нередко. Поэтому, идя к Гранину за очередным интервью, я хотела не повториться, готовилась узнать о том, о чем еще не сообщалось в печати. Собиралась расспросить про работу над книгой о Петре I. Эссе «Два лика» (о Медном всаднике), напечатанное много лет назад, поразило особым взглядом писателя на произведение классическое, столь знакомое, что, казалось бы, в нем ничего не могло быть нового. Тем не менее Гранин сделал, я бы сказала, филологическое открытие. К тому же это было первое приближение писателя к личности Петра. По-видимому, тогда началась работа над книгой о нем. Тема давала повод поговорить об исторической прозе.

Даниил Александрович все предварительные построения разрушил.

— Петр I мне крайне интересен, потому что, находясь на такой высоте, сумел остаться самим собой, проявить себя, свою личность. Но это — единственное, что я могу сейчас сказать об этой работе. Она — в процессе, и мне не хотелось бы касаться незавершенного, неоконченного. Поговорим о ней в другой раз...

А сейчас я отдал одному из журналов мою новую небольшую повесть, которая написана как-то внезапно, вклинилась в большую работу. В повести есть стихи:

Еще заметен след,

Еще нас могут вспомнить...

Она так и называется — «Еще заметен след». Повесть — про войну и нынешнее время. История эта, рассказанная мне одной женщиной, очень задела меня: я тоже был в аналогичной ситуации.

В процессе работы мне интересно было заниматься исследованием: как изменились мои сверстники, какие были — какие стали. Любопытно было посмотреть, куда идем, как меняемся: что в нас хорошеет, что — портится. Кроме того, в основе сюжетной истории лежал поступок совершенно необъяснимый, который я так и не понял и решил, может быть, поэтому о нем написать.

Писатель, как мне кажется, должен говорить не только о том, что понимает, но иногда и о том, что не понимает. Не только учить, проповедовать, но порой и признаваться в своей беспомощности перед жизнью.

Мы слишком все стремимся разъяснить. Все-то нам ясно в наших книгах, хотя на самом деле в реальной жизни, случается, путаемся, недоумеваем, неправильно поступаем...

Сам я как читатель не люблю рецептов. К сожалению, люди часто ищут в книгах готовые решения, потому что лень думать самим. Мне бы хотелось наводить читателей на мысли, заставлять их домысливать...

Удивительно это дело — работает писатель над исторической вещью и вдруг прищипывает ему (по его собственному выражению) написать о любви, о наших днях. Как прорастает в писателе тема? Как поселяется в душе тот или иной персонаж? Как вообще происходит рождение книги?

— Лучше не касаться тайн этого процесса, — говорит Гранин. И шутит: — Разберешь этот

механизм, а собрать потом не сумеешь!

Разве можно понять тайну такого, например, явления, как И. Грекова? Она — крупный специалист по прикладной математике, издает монографии, научные работы и всей своей профессией склонна к анализу, к логике. И при этом как она прекрасно иррациональна в своих литературных произведениях! Пример этот интересен тем, что рациональное, оказывается, не убивает иррациональное. Они могут существовать гармонично. Одно помогает другому.

А разве не удивительно, что писатель, выпустивший не одну книгу, отметивший свое 50-летие, вдруг совершает скачок? Поясню. Недавно я прочитал рукопись романа Валерия Мухоморова «И хлебом испытаний». Я бы сказал так: я не только имел удовольствие прочесть роман, но и честь — писать на него рецензию. Считаю, это — явление в нашей литературе. Блестяще написано. Дивно показан Ленинград, прекрасные, сложные характеры людей. Эта удача для меня, знающего другие книги Мухоморова, была даже неожиданностью. Казалось бы — давно сформировавшийся литератор! Есть писатели, которые сразу нашли себя. Из ленинградцев это — В. Конецкий, А. Володин, В. Голявкин. Иные долго ищут свое, родное, важное. И если находят (как в случае с Мухоморовым), то происходит короткое замыкание, загорается вольтера дуга. Возникают иная яркость, иная температура. Если проанализировать сделанное этим автором ранее, то видны самородки чистой породы, виден талант. Но только в романе удалось Валерию Мухоморову полностью раскрыть себя. Как это важно — найти свою тему, свою манеру, свое сокровенное!

Если оставить в стороне обязательное условие успеха — талант автора, имеет ли значение биография пишущего, жизнь, им прожитая? Что об этом думает Даниил Гранин?

— Писатели некоторые любят «украшать» себя бедами. Для литературы это не обязательно. Есть люди, которые прожили вполне благополучную жизнь и стали большими писателями. Про молодых часто говорят: они не знают жизни. Подразумевают под этим, что они не нахлебались плохого, не натерпелись всяких несчастий. А почему бы не жить нормальной, трудовой жизнью, многое видеть, пони-

мать, думать, развиваться? Жить вместе с другими людьми и понимать их? Чувствовать и знать жизнь своего народа, его боль и радость?

Всякие беды и несчастья, разумеется, не являются условием творчества для людей, жизнь которых пришлось в основном на послевоенные годы.

Вот, например, Нина Катерли. Она окончила Ленинградский технологический институт имени Ленсовета, химик по профессии. Проработала 18 лет — сначала на заводе, потом в проектной организации. Знает сложный мир производства, жизнь научных работников. С большим интересом я прочел ее книгу «Окно». По-моему, она писатель многообещающий.

Или же Илья Штемлер. Критики ругают его роман «Универмаг», а, на мой взгляд, надо бы поддержать. Писатель разрабатывает острые, сложные темы, связанные с злоупотреблениями, показывает систему отношений в мире торговли. Ему нельзя отказать в знании предмета. Он изучал все изнутри, делал то, что даже не обязательно, но так лично его метод работы: сначала нанялся таксистом, потом выпустил роман «Таксопарк», поработал в универмаге, написал «Универмаг». Служба породила ту достоверность, которую не можешь не ощущать в его книгах. Есть в них, правда, некоторая облегченность, схематичность. Но для меня значительно важнее, что я получил серьезные исследования о мире, знакомом мне разве что по очеркам и фельетонам. Некоторые рецензенты позволяют злорадство по поводу неудач автора. Это совсем неуместно.

Многие писатели, когда своя работа в разгаре, перестают читать, особенно — современные книги: это, мол, мешает, отвлекает, распыляет силы. Гранин считает, что он читает мало, выборочно, но если уж читает, то анализирует, осмысливает. Живо интересуется новыми именами. Радует его уда-

чам коллег. Боится пропустить что-нибудь стоящее.

— Недавно я познакомился с книгой, которая показалась мне любопытной со многих точек зрения. Она называется «Моя фронтовая лыжня». Ее автор — Геннадий Геродник — бывший солдат 2-й ударной армии, писатель, живущий в Эстонии. Автор продел большую работу, съездил к фронтовым друзьям, исходил места боев своего лыжного батальона и соседних частей. Книга интересна не только своей памятью. У писателя должна быть хорошая память на детали, подробности. Здесь меня поразила память состояний. Это то, что невозможно возобновить. А она очень важна для создания достоверности чувств. Вот автор пишет, например, как он подорвался на mine, был ранен в ногу. Его несут на носилках. И в это время начинается бомбежка. Все живое врыдается в землю, а наш герой смотрит в небо, где пикируют самолеты и откуда сыплются бомбы. Он вынужден смотреть в небо! Такова безысходность ситуации и весь ее ужас. Я бы не прореагировал так живо на эту бомбежку и не ощутил ее, если бы не способность автора сохранить состояние и передать его.

По жанру «Моя фронтовая лыжня» принадлежит художественно-документальной прозе.

В этом же жанре повесть «Полководец» В. Карпова, которую я прочел с большим интересом. По-моему, художественно-документальная проза сейчас — растущая часть нашей литературы, очень перспективная. Книги в этом жанре интересны достоверностью. Они полизмируют с нашим нередко упрощенным представлением о жизни, рожденным иными произведениями художественной литературы, телевидения, кинематографа. Художественно-документальная проза заставляет размышлять об очень сложных явлениях прошлого и настоящего, погружает в реальные противоречия...

Разные жанры в разные годы жизни были наиболее или наименее привлекательны для Д. А. Гранина, талантливо работающего то в жанре романа, то — документальной повести, то эссе. Гранин не раз говорил, что читатель растет. Чтобы посадить его за книгу, нужно питать и разнообразной духовной пищей, и предлагать разные жанры.

А главное — писать так, чтобы участвовать в совершенствовании мира. Но это такая огромная задача, такое поле деятельности! Как этого достигнуть? Вот вопрос, над которым бьются все, кто посвятил себя литературе.

Беседу вела Галина СИЛИНА